

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 303.4.02+930.23

Дискурс «глобализации» в отношении истории Монгольской империи и Золотой Орды

Ю. В. Селезнёв

Воронежский государственный университет,
Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1

Для цитирования: Селезнёв Ю. В. Дискурс «глобализации» в отношении истории Монгольской империи и Золотой Орды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 2. С. 211–229. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.204>

В первой четверти XXI в. в научный дискурс прочно вошла вербальная модель Монгольской империи как «глобализационной державы». Современные процессы глобализации в мире подталкивают к исследованию аналогичных проявлений в прошлом. Системный метод исторического моделирования позволяет создать вербальную модель, описывающую глобализацию, к примеру, в XIII в. Так, для введения понятия «глобализация» применительно к истории Монгольской империи привлекается положение о всемирном характере политических, экономических и идеологических структур государства Чингизидов. Концепт «монгольского/ордынского глобализма» получает широкое распространение в современном дискурсивном поле. Так, в течение 2006–2020 гг. понятие «монгольский глобализм» широко распространилось не только в научно-популярных произведениях, но и в научных статьях и монографиях. Вполне закономерно, что крупнейшие в истории завоевания Чингизидов привели к созданию мощной державы, в которой устанавливался унифицированный централизованный контроль, в том числе над трансконтинентальными торговыми путями. Единое управление способствовало безопасности торговых путей и как следствие оживлению торгового и информационного обмена. Несомненно, торговый аспект, наиболее ярко прослеживающийся в экономике Монгольской империи и Золотой Орды, носит объединительно-глобализационный признак. Однако его научная оценка, как и выявление характера и сущности «монгольского феномена», требует более глубоких исследований. Статья посвящена рассмотрению признаков сформулированной концептуальной модели, точности и значимости привлеченных понятий для всех участников дискурсивного поля. В результате делается вывод о том, что надежного обоснования признаков, форм и закономерностей развития «монгольской глобализации» на данный момент не представлено.

Ключевые слова: Монгольская империя, *Rax Mongolica*, глобализация, Золотая Орда, Чингисхан, Чингизиды.

Введение

Феномен монгольской средневековой государственности, становления обширной евразийской империи, ее развития и упадка требует научного осмысления. По мере развития общества меняются и способы научного познания в том числе кочевнических сообществ и кочевых империй. Ученые предлагают разнообразные модели, которые призваны исследовать различные стороны социума либо предложить определенные обобщения масштабных процессов.

В цели статьи не входит обзор всех возможных методологических посылок и моделей описания и исследования феномена монгольской средневековой государственности. Это избавляет от необходимости широкого охвата различных точек зрения и глубокого рассмотрения предложенных различными учеными моделей осмысления Монгольской империи и Золотой Орды.

В центре пристального внимания автора находится одна из современных моделей, предлагающая рассматривать феномен монгольской государственности в терминах глобализма. Поэтому иные реконструкции и концепции привлекаются по мере необходимости осмысления самой модели.

Несомненно, широкий круг средневековых авторов: персидских (например, Джуджани, Джувейни, Рашид ад-Дин), арабских (например, ан-Насави), армянских (например, Киракос Гандзакечи), византийских (например, Георгий Пахимер) — оставили свидетельства о масштабных процессах, вызванных монгольским завоеванием. В странах, которые не были затронуты вторжением, возник вполне закономерный интерес к Монгольскому миру. Труды Плано Карпини, Рубрука, записки Марко Поло вызвали живейший интерес в Европе. Их информация стала базой для построения различных моделей осмысления государственного и политического устройства Монгольской державы.

Концепт «монгольской глобализации» в современном дискурсе

На пороге третьего десятилетия XXI в. в научный, научно-популярный и публицистический дискурс применительно к истории Джучиева Улуса (Орды, или, начиная с источников XVI столетия, Золотой Орды) активно входит термин «глобализация».

Вероятно, распространению данного термина на историю XIII в. применительно к завоеваниям монголов способствовала популярно-публицистическая книга Джека Уэзерфорда «Чингисхан и рождение современного мира» [1, р. XXIII; 2, с. 11], попавшая в 2004 г. на две недели в список бестселлеров New York Times. Именно в этой книге автор сформулировал идею, согласно которой монголы «стремились не просто победить, а создать *глобальную государственную систему* (курсив мой. — Ю. С.), основанную на свободной торговле, едином для всех законодательстве и универсальном алфавите, который знали бы во всех уголках страны» [1, р. XXIII; 2, с. 11].

Сам жанр книги направлен на общий обзор истории становления империи Чингисхана и не подразумевает привлечения широкой доказательной базы сформулированных тезисов. Поэтому неудивительно, что уже в рецензии 2005 г. Тимоти Мэй отметил, что многие тезисы Уэзерфорда «несомненно противоречивы»,

в книге нет сносок, а примечания во многих случаях отсутствуют. Вывод критика был очевиден: при всей новизне взгляда на историю кочевников книга изобилует многочисленными ошибками, и на уроках истории использовать ее не рекомендуется [3].

Однако, согласно сведениям газеты China Daily, уже в 2006 г. на прошедшем в Пекине симпозиуме, посвященном 800-летию основания Монгольской империи, эксперт Академии общественных наук КНР Хао Шиюань провозгласил, что начало процессу глобализации положил Чингисхан. По мнению китайского автора, именно в рамках монгольской империи, созданной Чингисханом, на территории Евразии проявились первые ростки глобальных обменов и сотрудничества. Расширение империи привело к тому, что «стали максимально возможны культурные и экономические обмены и ранее изолированные цивилизации соединились». Хао Шиюань подчеркнул: «Это именно то, что являет собой глобализация — сжимающееся пространство, сжимающееся время и исчезающие границы». Китайского коллегу поддержал ученый президент Академии наук Монголии академик Батболдын Энхтувшин, который отметил: «Чингисхан продвигал процесс глобализации, что до него ни один повелитель не делал» [4; 5].

В предисловии к коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории», увидевшей свет в 2016 г., Мари Фаверо отметила: «В период господства Золотой Орды регионы и разнородное население Центральной Азии были впервые интегрированы в единую политическую целостность. <...> Золотая Орда оказала большое влияние на торговую экспансию середины XIII — середины XIV века, и ее экономическое и политическое правление в высшей степени способствовало глобализации Старого Света» [6].

В заключении той же коллективной монографии В.В.Трепавлов отмечает: в рамках *Rex Mongolica* сложилась «полиэтническая мультикультурная система — одна из первых в мировой истории, позволившая привести в действие процесс первичной глобализации» [7].

В том же 2016 г. вышла в свет статья Н.Н.Крадина, в которой автор, с одной стороны, отметил: при «оценке роли империи Чингисхана и его преемников в мировой истории следует помнить, что монгольские завоевания принесли смерть и разрушения многим народам и цивилизациям». С другой стороны, он призвал обратить особое внимание на то, что в «результате завоеваний были установлены стабильные и широкомасштабные сети культурно-технологических связей между различными народами и государствами. Это стало основой плодотворного технологического и культурного обмена, а также способствовало реализации новых возможностей и уникальных открытий, которые коренным образом изменили мир через некоторое время. <...> Наиболее важным положительным эффектом создания Монгольской империи стало формирование единой системы сухопутных и морских маршрутов, используемых для международной торговли. Это явление можно смело назвать средневековой, или монгольской, глобализацией XIII–XIV веков» [8]. Таким образом, Н.Н.Крадин на первый план в качестве признака «глобализации» вывел международный характер трансконтинентальной торговли в рамках Монгольской империи.

По мнению Е.И.Нарожного, применение «событийно-интеграционного» принципа к восприятию различных событий, явлений и процессов в истории по-

зволюет утверждать, что «любые события, даже самые трагические и драматические, так или иначе в конечном итоге не препятствуют процессам как вынужденной, так и сознательно проводимой интеграции и интеграционным процессам, в том числе и достаточно глобального характера» [9, с. 828].

Подобные мысли встречаются и в книге Д. Уэзерфорда: «Монголы привлекали торговцев вести дела на территории их империи, а специально снаряженные экспедиции добирались до самой Африки, стремясь расширить свои экономические и дипломатические связи» [1, р. XXIII; 2, с. 11].

Однако надо отметить, что на важную роль торговли в истории Джучиева Улуса обратил внимание еще Г. В. Вернадский: «Сложный экономический организм Орды был сориентирован на международную торговлю, и как раз от нее ханы и вельможи получали большую долю своего дохода» [10, с. 218].

Особое внимание к развитию Золотой Орды было привлечено в 2019 г., когда отмечался 750-летняя годовщина Таласского курултая (1269) [11; 12]. Именно после него Джучиев Улус стал самостоятельной политической единицей, а Монгольская империя распалась. Однако «глобальная» мир-система не разрушилась, но продолжала существовать, обеспечивая ее составным частям благоприятные условия существования как минимум в торговых взаимоотношениях.

В стенах Института истории им. Ш. Марджани 4 апреля 2019 г. состоялся круглый стол «Золотая Орда и средневековая глобализация» [13], в ходе которого доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа Марк Григорьевич Крамаровский отметил: «Первая в мире глобализация в Золотой Орде много сделала для сохранения единства в мире. Возможно, что без подобной глобализации Европа бы ходила до сих пор без штанов, а может, и не было бы эпохи Просвещения» [14].

Таким образом, понятие «монгольская глобализация» в течение последних 15–20 лет вошло в научный оборот как вполне устоявшаяся формулировка. Так, в своей обзорной статье Ю. В. Дунаева отмечает: «В настоящее время в золотоордынской историографии начинает доминировать не просто российский, а общеевропейский подход, а Орда рассматривается как один из факторов первичной европейской глобализации» [15, с. 27].

Модель «средневековой глобализации»

Введение в научный дискурс понятия или явления подразумевает выделение их признаков, форм и закономерностей развития (что дает возможность сравнения с подобными процессами в иных регионах или других исторических эпохах). В этом случае термин «европейская (средневековая) глобализация» / «монгольская (ордынская) глобализация» необходимо отнести к концептуальной модели (вербальное описание деятельности на определенном языке, например характеристика объекта исследования, который должен отличаться точностью и одинаковой значимостью для всех участников дискурсивного поля) [16, с. 109–117].

Основой для введения понятия «глобализация» применительно к истории Орды является положение о мировом (или как минимум евразийском) характере как политических, так и экономических структур Монгольской империи и ее значительной части — Улуса Джучи (Орды).

Вполне закономерно, что процесс глобализации в современном мире вызывает поиски аналогий и сравнений для ответов на актуальные вызовы нынешнего времени. При таком подходе, однако, мы сталкиваемся с явным анахронизмом — приписыванием событиям прошлого качеств из иных периодов. Тем не менее при использовании метода исторического моделирования вполне допустимо построение вербальной модели, описывающей глобализацию, к примеру, в XIII в., в том числе применительно к истории кочевой империи: употребление отвлеченной терминологии для проверки гипотезы на примере модели возможно и продуктивно (даже при отрицательном результате). Этот аспект определяется тем, что модель представляет собой искусственное построение как инструмент познания. Именно поэтому она условна [17, с. 5].

Однако привлечение инструментария для построения модели, в том числе вербальной, требует соблюдения строгих принципов.

Во-первых, модель может быть построена только на основе глубокого изучения исторического материала. При этом глубина исследования должна позволить уяснить сущностные черты, которые определяют значимые связи, выявить базовые структурные явления и установить закономерности.

Во-вторых, каждая модель рассматривается как составная часть более крупной модели, связанная с другими моделями и системами. Тем не менее отдельная модель обладает относительной автономностью: в ней присутствует свой системообразующий фактор, объект-субъектная структура, функциональность и специфика управления, а также (что чрезвычайно важно) особенная система ценностей.

Наконец, у каждой модели собственный самостоятельный жизненный цикл. Под жизненным циклом подразумевается реальное функционирование как протообъекта моделирования¹ (исторического явления или процесса), так и самой модели как инструмента познания, который создается в каждом конкретном случае исключительно для строго определенных целей.

Таким образом, для исследования «глобализации» применительно к истории Джучиева Улуса (Орды) необходимо определить базовые сущностные признаки явления (в данном случае «глобализации»). Китайский исследователь Хао Шиюань сформулировал их так: глобализация являет собой сжимающееся пространство, сжимающееся время и исчезающие границы.

Действительно, применительно к сегодняшнему дню глобализация определяется как исторический процесс превращения мира в единую систему, обладающую едиными характеристиками. Однако в рамках научного определения предмета и объекта «глобализационных» исследований «еще немало вопросов, требующих своего раскрытия, уточнения и углубленного изучения» [18, с. 13].

Тем не менее под глобализацией понимают процесс объединения экономик стран мира и создание единого правового, экономического и информационного пространства. Предпосылками к объединению мира являются факторы глобализации: 1) электронные средства коммуникации (обмена информацией), способные сжимать до минимума разделяющие людей время и пространство; 2) технологические изменения, позволяющие распространять по всему миру производимую про-

¹ Протообъект моделирования воспроизводится в модели, которая отражает реальные структуры и процессы, воспроизводит специфические, свойственные данной реальности закономерности развития.

дукцию, невзирая на границы; 3) формирование глобальных идеологий, таких как экологическое или правозащитное движение. Исследователи подчеркивают, что «глобализация основывается на принципах свободы, открытости, доступности, изменений и равенства. Это, в свою очередь, предполагает наличие некоей всеобщей платформы, которая бы удовлетворяла всем этим условиям» [19, с. 31]. Кроме того, для поставленной в статье задачи чрезвычайно важно, что глобализация — «это, по существу, качественно новая система отношений между всеми акторами» [20, с. 17].

Вполне закономерно, что в период существования Монгольской империи и Орды в XIII–XV столетиях таких факторов не существовало. Тем не менее причины, обуславливавшие глобальные объединения, вполне могли присутствовать. Этот посыл можно считать гипотезой для решения задачи.

Что же позволяет исследователям говорить о «глобализации» применительно к XIII столетию и к империи монголов?

Проверка критериев модели «монгольской глобализации»

Как отмечено выше, в процессе глобализации выделяются три составные части: единство правового, экономического и информационного пространства.

С точки зрения правовых отношений необходимо отметить, что любое государство стремится к унификации законов, к единому «стандарту» квалификации преступлений и наказаний. Здесь стоит обратить внимание на замечание Е. Хёбеля: «Каждое общество должно по необходимости отбирать лишь ограниченное число поведенческих моделей, соответствующих его культуре, и оно должно безоговорочно и диктаторски отвергать возможность принятия своими членами тех линий поведения, которые не совместимы с отобранными ими линиями» [21, р. 12]. В то же время любая власть для своего выживания обязана культивировать собственную исключительную систему правовых архетипов [22, с. 135–158].

Таким образом, очевидно, что следственные действия, судебное разбирательство и приведение приговора в исполнение в Монгольской империи и Джучиевом Улусе должны были осуществляться по нормам единого ордынского законодательства (по нормам Ясы).

Следовательно, с точки зрения глобальных процессов («глобализации») нормы Ясы и имперская правовая культура должны были усваиваться на всей территории Монгольской империи и применяться для всех без исключения ее подданных. Это обеспечивалось суверенитетом верховного правителя над своими землями [23, с. 18–24]. Например, в 1261 г. был казнен армянский правитель Джалал: «Ночью убили его, рассекая все члены его по суставам» [24, с. 143]. В 1270 г. при дворе хана Менгу-Тимура подобным образом был казнен князь Роман Рязанский: «Заткоша уста его убрусомъ и начаша рѣзати его по составом и метати розно, и яко розоимаша его, остася трупъ единъ» [25, с. 150]. Создается впечатление, что в различных частях империи действуют единые нормы наказания за преступление — единое правовое поле. Отчасти, вероятно, это действительно так: для включенных в состав управленческой элиты империи явно действовали законы Ясы [26, с. 25–26].

Однако эти нормы не распространялись на подданных самих правителей, признавших власть Чингизидов, — их продолжали судить и наказывать по местным законам. Несмотря на то что, к примеру, русские князья занимали в ордынской

государственной системе, по сути, административные должности, они сохраняли свои наследственные, в том числе судебные и политические, права [27, с. 34]. В частности, в 1257 г. великий князь Александр Ярославич, усмирив противодействие монгольским переписчикам в Новгороде, «выгна сына своего изъ Пльскова и посла на Низъ», а его сторонникам «овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша» [28, с. 82]. Несмотря на мнение о жестокости степных наказаний, аналогий приведенным казням в Ясе мы не находим — это исключительно русские правовые традиции, не подверженные влиянию ордынского законодательства.

Не находим мы следов влияния Ясы и на «Судебник» 1497 г., созданный Иваном III после освобождения от ордынской зависимости. Казалось бы, с точки зрения «глобальной» системы такое влияние должно было быть определяющим. Однако российское законодательство остается независимым от монгольской/ордынской правовой традиции: среди источников русского права в XV–XVI вв. ни прямо, ни косвенно не фиксируется Яса или монгольские правовые нормы и правила (несмотря на отсылку к «велицей язе» в собрании ярлыков русским митрополитам, отнести к российскому законодательству нормативные правовые акты, издававшиеся от имени ордынского суверена, нет никакой возможности).

Это наблюдение подтверждается свидетельством китайской династийной хроники «Юань-ши» (история монгольской династии Юань): «Нормы закона не были едиными [для всех], внутри и вне государства [появились] настроения по отделению [от него], и после правления Тай-цзуна (Угэдэя, умер в 1241 г. — Ю. С.) все ухудшилось» [29, с. 180]. То есть официальная имперская хроника констатирует, что ко времени правления сына Чингисхана Угэдэя не было сформировано единого правового пространства, а после правления и смерти преемника основателя империи все достижения на предмет формирования единых законов и вовсе были упущены, а государственное единство оказалось под огромной угрозой. Получается, что ко времени взятия Багдада в 1258 г. единого правового поля в Монгольской империи уже (!) не существовало.

Это при учете того, что от взятия одного из центров мировой цивилизации и исламского мира Багдада (1258) до формального закрепления распада Монгольской империи на Таласском курултае (1269) прошло 11 лет². За столь короткий период не могла сформироваться глобальная система взаимоотношений в принципе, а правовая система тем более.

В качестве признака глобализации в XIII в. «правовой фактор», таким образом, требует отдельного внимательного исследования. Не исключено, что для выявления особенностей правовой культуры на просторах Евразии в XIII в. понадобится построение не одной модели. Как минимум видится перспектива двух аспектов юридической истории: 1) правоприменительная практика на просторах Монгольской империи и ее осколках в XIII–XV вв.; 2) отражение и усвоение правовой культуры монгольского государства в завоеванных обществах и землях. Только всесторонняя проверка правового поля по этим направлениям позволит говорить о глобализации в данной сфере (либо же будет доказано ее отсутствие).

² Фактически система разрушилась в 1260 г., когда появилось несколько претендентов на общемонгольский престол, а Берке (глава Орды) и Хулагу (глава ильханата в Иране) поддержали разные кандидатуры.

Таким образом, необходимо признать, что один из ключевых признаков глобализации — правовое единство — отсутствовал (если таковое и успело сформироваться в зачаточном состоянии при первых правителях — Чингисхане и Угэдэе, то после смерти последнего оно стремительно разваливалось).

Формирование огромной евразийской державы позволяет говорить о построении на завоеванных землях общего экономического пространства. Это констатируется из наличия в Монгольской империи свободы трансконтинентальной торговли. Так, Н. Н. Крадин отмечает: «С образованием Монгольской империи на некоторый период установились стабильные торговые связи между Востоком и Западом. Образно говоря, и Запад, и Восток в это время впервые соприкоснулись с тем, что впоследствии будет названо таким популярным в наши дни термином “глобализация”» [30, с. 217].

Примеры свидетельствуют, что основания для фиксации определенных торговых предпочтений есть. Так, армянский автор Киракос отмечает деятельность Рабана: «Его торговые люди, снабженные тамгой, т.е. знаком и грамотой, свободно странствовали по всей стране, никто не осмеливался подойти к людям, которые называли имя Рабана» [27, с. 187].

В качестве важного аргумента в пользу свободы евразийской торговли приводится ярлык Менгу-Тимура князю Ярославу Ярославичу и новгородцам 1270 г. [10, с. 179].

Для XIV столетия показательны слова флорентийского банкира Франческо Б. Пеголотти (1310–1347), который в своем «Описании различных стран» (1340) отмечает, что «Путь от Таны до Китая — безопаснейшая дорога и днем, и ночью, как считают купцы, пользовавшиеся им» [31, р. 22]. «...только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками..., но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он — брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно, таким образом, будет сохранено» [31, р. 22; 32, с. 90].

Мусульманский путешественник XV столетия Ибн ‘Арабшах указывает на доступность торговых маршрутов следующим образом: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до Крыма, а переход этот около 3 месяцев. Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали с собою проводника вследствие многочисленности народов да обилия безопасности, еды и питья у живущих там людей» [33, с. 460].

Однако Пеголотти особо подчеркивает, что «испытанные маршруты теряли обычную безопасность для франков в случае смерти очередного “синьора” и наступления периода междуцарствия» [31, р. 22].

С точки зрения иллюстрации приведенных выше слов Пеголотти показательна судьба Афанасия Никитина, который около 1466 г. направился вниз по Волге. В самом низовье реки караван был разграблен астраханскими татарами: «Поѣхали есмь мимо Хазтарахан... По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на Богунѣ и учали нас стреляти <...> и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне» [34]. То есть в условиях распада единого государства наблюдается явное пренебрежение торговыми интересами купеческой корпорации и производится грабеж на водных артериях. Мы

видим, что на осколках *Rax Mongolica* система торговой свободы и безопасности уже не работала.

Кроме того, фиксируется существование региональных торговых рынков. В частности, установлено, что в Улусе Джучи «существовала торговая специализация по регионам. Итальянские колонии в Крыму вели активную торговлю с Византией, Трапезундской империей, Русью, Литвой, Польшей, Германией, Молдавией, Венгрией, Трансильванией, через метрополии с Францией, Испанией, Германией. Поволжье же активно торговало с Северо-Восточной и Северо-Западной Русью, а через них с Ганзейскими городами, прежде всего с Ригой, а также с островом Готланд (Висби)» [35, с. 23]. Русские княжества, к примеру, оставались достаточно локально-замкнутой экономической структурой и входили в ограниченную Средиземноморскую систему в качестве периферии [36, с. 84–95]. То есть, несмотря на безопасный путь по степным пространствам, купцы предпочитали короткие сделки на ограниченной территории. Обуславливалось это, скорее всего, особенностями средневекового транспорта: в основном гужевого его характер не способствовал длительным перемещениям.

Кроме того, довольно существенно, что «в средневековых ярмарочных судах складывалась похожая, но не единообразная практика, “лоскутное одеяло” (*crazy-quilt*): в каждой стране, да и в каждом торговом городе существовало свое *lex mercatoria*. При описании его принципов речь преимущественно шла о процедурных нормах (быстрота, справедливость, применение обычаев)» [37, с. 7; 38, с. 161–167; 39, р. 10]. Схожесть процедур наталкивает на мысль об унификации торговых и правовых норм на просторах Евразии, о глобализации. Однако такие оценки необходимо признать искажением и иллюзией единства.

Говорить о складывании единой экономической системы на просторах Монгольской империи не приходится. Формирование единых торговых правил оказывается под сомнением. Тем не менее есть основания полагать, что монгольские/ордынские правители стремились обезопасить торговые пути и наладить на них единые требования. Однако такое стремление не привело к созданию единых стандартов, по крайней мере нет надежных оснований безоговорочно это утверждать.

Таким образом, несмотря на сформировавшийся в современной литературе образ единого евразийского торгового пространства в Степи³, экономической стабильности в границах монгольских владений не наблюдалось. Особенно правила «безопасной торговли» не соблюдались в условиях смены власти (фактически безвластия), когда торговые пути становились объектом грабежа и наживы каждого, способного держать в руках оружие. Вряд ли такое положение дел можно считать основой единства экономического пространства и «средневекового глобализма».

Кроме того, нельзя не учитывать фактор иного глобального процесса: формирование особого слоя лиц, занятых торгово-купеческой деятельностью, было новым и важным шагом в общественном разделении труда, что повлекло за собой обособление торговли от производства и выделение купечества [41, с. 132]. Показательно, что «купеческое сословие достигло своего расцвета в Западной Европе к концу XIII в.» [42, с. 36].

³ «Существование *Rax Mongolica* XIII — первой половины XIV в. в целом благоприятно сказывалось на торговых связях между противоположными концами евразийской ойкумены, а также на информированности разных цивилизаций друг о друге» [40, с. 163].

Таким образом, третье общественное разделение труда — выделение торговли — совпало с появлением на карте Евразии Монгольской империи. Однако завоевательные походы Чингизидов не были причиной формирования купечества как особой отрасли деятельности. Скорее, наоборот, монгольские правители воспользовались преимуществами третьего общественного разделения труда и использовали купечество для пополнения казны. Но они не были инициаторами этого глобального процесса и не стремились к его реализации.

Третья важная основа глобализации — формирование единого информационного пространства.

Ключевыми доказательствами наличия такого пространства в XIII–XV вв. являются примеры культурного обмена. Так, М. Г. Крамаровский указывает: «Анализ монгольской филигранный креста Виссариона убеждает, что расстояние от Ханбалыка до Константинополя (или болгарского Адрианополя) в условиях глобализации не смогло стать препятствием для инновационных процессов в культуре Евразии XIV в. Опыт первой глобализации и явился главным вкладом Чингизидов в мировую историю» [43, с. 24].

Более обобщенную и условную картину рисуют авторы статьи «Пролог глобализации: имперский вариант, XIII век». Согласно их мнению, в итоге завоевательных походов Чингисхана и его преемников «сложилась первая в истории глобальная средневековая мир-система, объединившая пять независимых ядер (региональных мир-империй): Западную Европу, арабский мир, зону Индийского океана, Китай и Великую степь. Произошло не только складывание безопасной торговли и культурных коммуникаций от Китая до Европы и Египта благодаря сетям караван-сараяев и почтовых станций, но и был осуществлен межцивилизационный транзит высоких технологий: европейцы познакомились с порохом, компасом, книгопечатанием, перегонкой спирта» [44, с. 80].

Несомненно, взаимопроникновение культур отрицать нельзя. Однако, подводя итоги коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории», В. В. Трепавлов констатирует, что на территории *Rex Mongolica* «не сложилось общего культурного пространства. <...> Сравнительно мало сказалось его воздействие на культуру соседних государств (может быть, за исключением некоторых китайских изобретений, перенесенных с купеческими караванами на другой конец континента)» [7, с. 922].

При этом более утилитарная информация остается весьма ограниченной и бессистемной. К примеру, интерес к монголам и империи был весьма велик в начальный момент появления на карте Евразии их огромного политического образования. Поездки Платона Карпини, Рубрика, записки Марко Поло вызвали живейший интерес в Европе. Благодаря им к XIV столетию далекий «Катай» на ментальной карте европейцев не был неизвестной землей. Однако авторы сочинений XIV в., современники-итальянцы венецианский дипломат Марино Санудо Торселло и флорентийский торговый агент Франческо Бальдуччи Пеголотти, «не бывали в Восточной Азии, и их представления о Китае носили опосредованный характер» [40, с. 163].

Можно утверждать, что столь же опосредованный характер носили сведения о первых монгольских каанах, отложившиеся в XIII в. в Галицко-Волынской летописи. Вероятно, эти сообщения были получены из уст приближенных нойона Бурндая, кочевья которого находились в непосредственной близости от Галицких

и Волынских земель [45, с. 123–130; 46]. Несмотря на то что русские князья совершали поездки в далекий Каракорум (например, князь Ярослав Всеволодович Владимирский, его сыновья Александр, Андрей, Константин, князь рязанский Олег Ингваревич, князь Глеб Василькович Белозерский [47, с. 230, 240, 268, 309, 327, 358]), сведений о Дальнем Востоке в русских летописях практически нет: информация о монгольской метрополии была на Руси неактуальна. Известно русским летописцам только о смерти Чингисхана: «...воеваша землю Таногустьску и на ины страны. Тогда же и Чаногизъ кано ихъ таногуты убьенъ бысть» [47, с. 206]. И о смерти Угэдэя, имени которого летописец не знает и не упоминает: «...и Менгю и Кююкъ, — иже вратися увѣдавъ смерть канову» [48, с. 238]. Причем, повторюсь, эти сведения отложились только в южнорусском летописании, в Галицко-Волынской летописи (из ее состава они попали в поздние летописи). Неизвестно на Руси и об иных территориях, входивших в состав Монгольской империи.

Столь же ограничены свидетельства армянских авторов, которые много пишут о пребывании армянских правителей при дворе каана в период завоеваний, об участии в общеимперских акциях в связи с завоеванием Ближнего Востока [49]. После распада империи свидетельств о далеких правительствах в улусе Джучи, Чагатай или великого каана не встречается.

Таким образом, по мере ослабления военной угрозы слабеет интерес к монголам и Монгольской империи, а также ее осколкам — Улусу Джучи или Улусу Хулагу.

Говорить о формировании единого информационного пространства в рамках Монгольской империи не приходится: в отдельных регионах государства сохраняются собственные мировоззренческие парадигмы и информационные пространства, в которых нет места для известий с окраин империи или даже из ее центра.

Заключение

Монгольское завоевание было глобальным и, возможно, глобализационным процессом. Наблюдаются значительные перемещения людей в ходе и после военных операций. Сами монголы в процессе завоеваний проводили стратегическую и тактическую разведку. Под контролем монгольских правителей-Чингизидов оказались многие центры мировой цивилизации: Каракорум (степной мир), Пекин и Кайфэн (центры китайской цивилизации), Багдад (центр мусульманского мира), Киев (русский мир), Константинополь⁴ — с 1270-х годов (православный мир). Кроме того, были разорены Венгрия и Польша как часть католического мира, а также Кашмир [51, с. 84; 52] как часть индийской цивилизации, предприняты попытки высадиться на японских островах. Однако закрепиться в данных регионах и развить наступление по внутривосточным причинам монголам не удалось. Изменившаяся структура евразийского пространства вызвала информационный

⁴ В 1270 г. татары совершили набег на Византию. По Эннувейри, приказ о походе исходил от Менгу-Тимура. По Пахимеру, ордынцев призвал Андроник, «желая привести общественные дела в замешательство... и тохарцы (татары. — Ю. С.), призываемые к добыче, понесли по всей земле Римской (Византии. — Ю. С.)». Отряды Ногай вторгались на Балканы также в 1271, 1277, 1278 гг. В результате правители Ромейской империи вынуждены были отсылать ко двору хана богатые дары (скрытая форма дани), а около 1273 г. византийский император Михаил VIII Палеолог выдал за Ногай свою незаконнорожденную дочь Ефросинью, что также сопровождалось широким дарообменом в знак подтверждения доминирования Орды в регионе [50, с. 211–219, 316–318].

всплеск: стали необходимы информация для установления взаимодействия с новой мировой силой, а также разведывательные данные для выстраивания стратегии противодействия дальнейшим завоеваниям. Это способствовало широкому информационному обмену между различными мировыми центрами. Однако экономической и управленческой необходимости в этом не было, и информационные потоки скоротечно замкнулись.

Несомненно, единый имперский контроль над трансконтинентальными торговыми путями привел к безопасности и оживлению торговых путей и информационного обмена. Конечно, торговый аспект, наиболее реализовавшийся в Монгольском мире, носит глобализационный признак. Тем не менее его можно рассматривать как зародыш развития глобализации в Средневековье. Его научная оценка требует более глубоких исследований, и только на основе наличия трансконтинентальной торговли делать выводы о «монгольской глобализации» преждевременно.

Когда завоевательный импульс иссяк, а империя стала раскалываться на составляющие (сначала крупные, как, например, Джучиев Улус, а затем более мелкие), в регионах стали выстраиваться самостоятельные (не глобальные) системы с местной спецификой. Все глобализационные итоги завоевательной политики монгольских каанов стремительно сошли на нет. Наиболее глобальный период монгольского владычества составил 11 лет (от взятия Багдада, 1258, до Таласского курултая, 1269) — время, крайне незначительное для формирования глобальных систем. После разделения сфер влияния между Чингизидами на Таласском курултае региональные правители начали вести самостоятельную политику в интересах местных элит. Несомненно, инерция глобальных процессов сохранялась. Но формировались уже территориальные системы — часто на дозавоевательных цивилизационных основах (ислам в Персии, буддизм в Китае, православие на Руси). Конечно, эти системы были подвергнуты «глобальному» влиянию. Но в первую очередь это было глобальное завоевание, и только потом — формирование единой мировоззренческой системы, которую в большинстве своем местные подданные империи отторгали как чужеродную и враждебную.

Мы попадаем в ловушку вербального моделирования: на основе отрывочных свидетельств и мнений авторитетных авторов, а также из ложных логических посылов выстраивается модель «глобализации XIII в.». Однако признать такую модель исторической и научной явно преждевременно.

Необходимы детальное рассмотрение идей и обозначений, соответствующих эпохе, уяснение базовых явлений и процессов, скрывающихся за определениями современников. И уже после этого сравнение их с аналогичными процессами и явлениями в условиях глобализации. Свидетельства о развитии Орды разбросаны на страницах исторических источников различного этнического и политического происхождения (монгольских, китайских, персидских, арабских, русских, армянских, грузинских, византийских, венгерских, польских и т. д.).

Стоит отметить, что подобная работа проводится. К примеру, в рамках международной научной конференции «Мобильность и преобразования: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии» (Иерусалим, 29 июня — 1 июля 2014 г.) заявлена задача поиска ответа на вопрос: как различные формы мобильности, т. е. миграции больших групп людей и широкое распространение идей и артефактов, повлияли на формирование межкультурных обменов в империи монголов XIII–XIV вв.

и насколько велико было влияние этих трансформаций? В частности, особое внимание на конференции было уделено реконструкции культурных, торговых, религиозных и интеллектуальных обменов внутри империи монголов [53, с. 218–233].

Уже в рамках работы семинара «Связующие структуры, регионы и институты в монгольской Евразии: мезоисторический анализ» (*Networks, Regions and Institutions in Mongol Eurasia: A Meso-Historical Analysis*. Иерусалим, 17–18 мая 2017 г.) сформулирована цель раскрыть потенциал мезоисторического анализа в изучении Монгольской империи. Такой анализ заключается в одновременном рассмотрении глобальных изменений в Евразии, вызванных созданием империи Чингисхана, и влияния этих изменений на каждый ее отдельный регион [54, с. 682–686].

Поскольку приставка «мезо» выражает средние показатели, на данном этапе рассмотрения проблемы «средневековой глобализации» через призму *Rax Mongolica* необходимо такой подход признать наиболее продуктивным. Возможно, исходя из несоответствия процессов в Евразии в XIII в. глобализационным, но при этом определяя их явно шире, чем региональные, стоит говорить о некоем промежуточном, усредненном показателе и вводить некий термин, связанный со «средними» понятиями.

Впрочем, сам подход глобального/локального не отражает всего многообразия развития человеческих сообществ. Именно поэтому важно применение системного подхода при моделировании социальных процессов. Здесь продуктивно, на мой взгляд, применение холорхического метода как составной части системного подхода⁵. Термин «холон», который «может быть приложен к любой стабильной биологической или социальной субцелостности», ввел в научный оборот Артур Кёстлер. В частности, по его определению, «индивиды, семьи, племена, нации — социальные холоны» [55]. Показательно, что применительно к Монгольской империи В. В. Трепавлов отмечает, что политические образования в Коренном юрте (Монголия) и Улусе Джучи (Золотая Орда) представляли собой достаточно устойчивые государственные структуры. Остальные территории, входившие в империю Чингизидов (Русь, Уйгурия и др.), поскольку там имелись собственные политические и управленческие институты, сохранялись за местными властями на определенных условиях, либо монголы исполняли на них полномочия в рамках местной политической системы [7, с. 922]. Фактически перед нами описание холархической политической системы.

Именно поэтому представляется весьма продуктивным на данном этапе исследования сущности всемирного значения монгольских завоеваний и Монгольской империи обозначение ее как холархической державы, подразумевающей наличие в составе единой континентальной системы большого количества автономных подсистем (которые как субцелостности можно назвать холонами).

Литература

1. *Weatherford J. Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York: Crown, 2004. URL: <https://tmbukz.ga/book.php?id=A8Y9B5uHQcAC> (дата обращения: 15.01.2021).
2. *Уэзерфорд Д. Чингисхан и рождение современного мира*. М.: Азбука-Аттикус, 2004. 382 с.

⁵ Холон — система (или явление), которая сама по себе является целым, но одновременно представляет собой часть еще большей системы. «Каждая система может рассматриваться в качестве холона — от субатомных частиц до вселенной в целом» [55].

3. *Timothy May*. Review of Weatherford, Jack, Genghis Khan and the Making of the Modern World. H-World, H-Net Reviews. March 2005. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=10378> (дата обращения: 15.01.2021).
4. Китайские историки считают Чингисхана основоположником глобализации // Газета.ru. 05.06.2006. URL: <https://www.gazeta.ru/science/news/655388.shtml> (дата обращения: 16.01.2021).
5. Чингисхан был провозвестником глобализации, уверены ученые // Iz.ru. 05.06.2006. URL: <https://iz.ru/news/379237> (дата обращения: 16.01.2021).
6. Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 968 с.
7. *Трепавлов В. В.* Заключение. Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 922–926.
8. *Крадин Н. Н.* Восточная Европа и монгольская глобализация // *Stratum plus*. 2016. № 5: Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. С. 17–26.
9. *Нарожный Е. И.* «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Т. 5, № 4. С. 825–836.
10. *Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997. 476 с.
11. В Казани состоялся международный форум, приуроченный к 750-летию возникновения Золотой Орды. URL: <http://asiarussia.ru/articles/22498/> (дата обращения: 15.01.2021).
12. Международная научно-практическая конференция «Таласский курултай: история и память» (14–15 ноября 2019 года) URL: <https://kutbilim.kg/ru/news/inner/talasskij-kurultaj-istoriya-roznanie-ru/> (дата обращения: 15.01.2021).
13. Руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств: Татарстан корнями этническими и корнями государственности уходит в Золотую Орду URL: <https://sntat.ru/news/science/12-06-2019/rukovoditel-tsentra-issledovaniy-zolotoy-ordy-i-tatarskih-hanstv-tatarstan-korniyami-etnicheskimi-i-korniyami-gosudarstvennosti-uhodit-v-zolotuyu-ordu-5647910> (дата обращения: 15.01.2021).
14. Историк Эрмитажа: Европа до сих пор ходила без штанов, если бы не глобализация Золотой Орды. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/istorik-ermitazha-evropa-do-sih-por-hodila-bez-shtanov-esli-by-ne-globalizatsiya-zolotoy-ordy-647247> (дата обращения: 15.01.2021).
15. *Дунаева Ю. В.* Современные контексты и подходы к изучению истории Золотой Орды // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 24–41.
16. *Селезнёв Ю. В.* Исследование истории Джучиева Улуса методом исторического моделирования // *Исторический журнал: научные исследования*. 2019. № 1. С. 109–117.
17. *Аникеева О. А.* Конструирование социально-исторических моделей как метод познания: кросс-дисциплинарный анализ // *Сервис plus*. 2014. Т. 8, № 2. С. 4–9.
18. *Барлыбаев Х. А.* Глобализация: вопросы теории и практики // *Век глобализации*. 2008. № 2. С. 12–20.
19. *Борзых С. В.* Понятие глобализации: новое прочтение // *Век глобализации*. 2011. № 2. С. 18–31.
20. *Киш Э.* Философия глобализации // *Век глобализации*. 2010. № 2. С. 16–32.
21. *Hoebel E. A.* The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2006. 372 p.
22. *Гуляихин В. Н.* Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // *NB: Вопросы права и политики*. 2013. № 4. С. 135–158.
23. *Селезнёв Ю. В.* Возникновение суверенитета монгольского кагана и ордынского хана на территории Руси // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2018. № 1. С. 18–24.
24. *Вардан Великий.* Всеобщая история, часть IV // Золотая Орда в источниках. Т. V: Армянские источники. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. С. 122–167.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
26. *Юрченко А. Г.* Элита монгольской империи: время праздников, время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.

27. *Киракос Гандзакецци*. История Армении, выдержки // Золотая Орда в источниках. Т. V: Армянские источники. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. С. 174–212.
28. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
29. Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники, М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. 336 с.
30. *Амелькин А., Крадин Н., Никитин А., Рыкин П., Усманов М., Филлюшкин А., Голдфранк Д., Островски Д.* Заочный круглый стол «От Орды к России» // *Ab imperio*. 2002. № 1. С. 205–238.
31. *Pegolotti Francesco Balducci*. La Pratica della mercatura / ed. by A. Evans. Cambridge: The Mediaeval Academy of America Cambridge, Massachusetts, 1936. 443 p.
32. *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 276 с.
33. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов по истории Золотой Орды. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1884. Т. I. 563 с.
34. Хождение за три моря Афанасия Никитина // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068_ednref21 (дата обращения: 15.01.21).
35. *Арсланов А. М.* Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Запада (вторая половина XIII–XIV вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2015. 25 с.
36. *Пузанов Д. В.* Восточная Европа в средиземноморской системе: этапы средневековой глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 161, № 2–3. С. 84–95.
37. *Мажорина М. В.* Lex mercatoria: средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 4–19.
38. *Мажорина М. В.* Гармонизация права международной торговли, или «Лоскутное одеяло» неправового регулирования трансграничной торговли // Московский юридический форум. VI Междунар. науч.-практ. конф. «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции». Ч. I. М.: Изд-во МГЮА, 2014. С. 161–167.
39. *Mitchell W.* An Essay on the Early History of the Law Merchant. Cambridge: Cambridge University Press, 1904. 176 p.
40. *Возчиков Д. В.* «Провинция, где много земель и селений»: Китай в представлении венецианского дипломата и флорентийского купца первой половины XIV в. // Китай: история и современность: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18–20 октября 2017 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2018. С. 162–171.
41. *Бочкова Е. В., Кузнецова Е. Л.* Теоретические аспекты исследования общественного разделения труда // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 3 (62). С. 132–139.
42. *Погребинская В. А.* Социально-экономическое развитие города в Средние века. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. 72 с.
43. *Крамаровский М. Г.* Pax Mongolica и проблемы глобализации культуры Евразии // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 19–24.
44. *Самбалхундэв Х.-Э., Сандаг Э. В., Красиков В. И.* Пролог глобализации: имперский вариант, XIII век // Век глобализации. 2013. № 2 (12). С. 79–82.
45. *Селезнёв Ю. В.* Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 123–130.
46. *Селезнёв Ю. В., Токмакова С. Е.* Русские летописи о Золотой Орде (извлечения из Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I летописей). Воронеж: Научная книга, 2020. 135 с.
47. *Селезнёв Ю. В.* Картины ордынского ига. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 437 с.
48. Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 5: XIII век. С. 184–357.
49. Золотая Орда в источниках. Т. V. Армянские источники. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2019. 432 с.
50. *Георгий Пахимер*. Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.: тип. Департамента уделов, 1862. Т. 6. 526 с.

51. Allsen T. T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001. 264 p.

52. Allsen T. T. Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, CA: University of California Press, 1987. 278 p.

53. Хаутала Р. Отчет о международной конференции «Мобильность и преобразования: экономические и культурные обмены в монгольской Евразии» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4. С. 218–233.

54. Хаутала Р. Отчет о международном семинаре «Связующие структуры, регионы и институты в монгольской Евразии: мезо-исторический анализ», Иерусалим, 17–18 мая 2017 года // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 5, № 3. С. 682–686.

55. Кёстлер А. Общие свойства открытых иерархических систем // Koestler A. The Ghost in the machine. New York: Macmillan, 1967. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/koest01.htm> (дата обращения: 01.05.2021).

Статья поступила в редакцию 5 июля 2021 г.;
рекомендована к печати 28 февраля 2022 г.

Контактная информация:

Селезнёв Юрий Васильевич — д-р ист. наук, проф.; orda1359@mail.ru

The Discourse of “Globalization” in Relation to the History of the Mongol Empire and the Golden Horde

Yu. V. Seleznev

Voronezh State University,
1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russian Federation

For citation: Seleznev Yu. V. The Discourse of “Globalization” in Relation to the History of the Mongol Empire and the Golden Horde. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 2, pp. 211–229. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.204> (In Russian)

In the first quarter of the 21st century, the verbal model of the Mongolian Empire as a “globalizing power” firmly entered scholarly discourse. Modern processes of globalization are compelling the study of similar manifestations in the past. The systematic method of historical modeling allows you to create a verbal model describing globalization, for example, in the 13th century. Thus, to introduce the concept of “globalization” in relation to the history of the Mongol Empire, the provision on the worldwide nature of the political, economic and ideological structures of the Genghisid state is used. The concept of “Mongolian/Horde globalism” is becoming widespread in the modern discursive field. Thus, during 2006–2020, the concept of “Mongolian globalism” became widespread not only in popular scientific works, but also in scientific articles and monographs. It is quite natural and natural that the largest conquests of the Genghisids in history led to the creation of a powerful state in which unified centralized control was established, including over transcontinental trade routes. The unified management contributed to the security of trade routes and, as a result, to the revival of trade and information exchange. Undoubtedly, the trade aspect, which is most clearly traced in the economy of the Mongol Empire and the Golden Horde, has a unifying and globalizing feature. However, its scientific assessment, as well as the identification of the nature and essence of the “Mongolian phenomenon” requires more in-depth research. The article explores the features of the formulated conceptual model, the accuracy and significance of the concepts involved for all participants of the discursive field. As a result, it is concluded that there is no reliable justification for the signs, forms and patterns of the development of the phenomenon of “Mongolian globalization” at the moment.

Keywords: Mongolian Empire, Pax Mongolica, globalization, Golden Horde, Genghis Khan, Genghisids.

References

1. Weatherford J. *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York: Crown, 2004. Available at: <https://tmbukz.ga/book.php?id=A8Y9B5uHQcAC> (accessed: 15.01.2021).
2. Uezerford D. *Genghis Khan and the birth of the modern world*. Moscow, 2004. (In Russian). 382 p.
3. Timothy May. Review of Weatherford, Jack, *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. *H-World, H-Net Reviews*. March, 2005. Available at: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=10378> (accessed: 15.01.2021).
4. Chinese historians consider Genghis Khan the founder of globalization. *Gazeta.ru*. 05.06.2006. Available at: <https://www.gazeta.ru/science/news/655388.shtml> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
5. Chingiskhan Khan was the herald of globalization, we are sure. *Iz.ru*. 05.06.2006. Available at: <https://iz.ru/news/379237> (accessed: 16.01.2021). (In Russian)
6. *The Golden Horde in world history*. Kazan, Institut istorii im. S. H. Mardzhani AN RT Publ., 2016. 968 p. (In Russian)
7. Trepavlov V. V. Conclusion. The Golden Horde and Tatar yurts in world history. *Zolotaia Orda v mirovoi istorii: Kollektivnaya monografiya*. Kazan, Institut istorii im. S. H. Mardzhani AN RT Publ., 2016, pp. 922–926. (In Russian)
8. Kradin N. N. Eastern Europe and Mongolian globalization. *Stratum plus*, 2016, no. 5: Nashestvie. Predely katastrofy XIII veka, pp. 17–26. (In Russian)
9. Narozhnyj E. I. “The invasion and the limits of the catastrophe of the 13th century” in the assessments of modern domestic and foreign researchers. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2017, vol. 5, no. 4, pp. 825–836. (In Russian)
10. Vernadskij G. V. *Mongols and Rus*. Tver’, LEAN Publ.; Moscow, Agraf Publ., 1997. 476 p. (In Russian)
11. An international forum dedicated to the 750th anniversary of the Golden Horde was held in Kazan. Available at: <http://asiarussia.ru/articles/22498/> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
12. International Scientific and Practical Conference “Talas Kurultai: History and Memory” (November 14–15, 2019). Available at: <https://kutbilim.kg/ru/news/inner/talasskij-kurultaj-istoriya-poznanie-ru/> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
13. Head of the Center for Studies of the Golden Horde and Tatar Khanates: Tatarstan has its ethnic roots and the roots of statehood in the Golden Horde. Available at: <https://sntat.ru/news/science/12-06-2019/rukovoditel-tsentra-issledovaniy-zolotoy-ordy-i-tatarskih-hanstv-tatarstankornyami-etnicheskimi-i-kornyami-gosudarstvennosti-uhodit-v-zolotuyu-ordu-5647910> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
14. Hermitage historian: Europe still went without pants, if not for the globalization of the Golden Horde. Available at: <https://www.tatar-inform.ru/news/istorik-ermitazha-evropa-do-sih-por-hodila-bez-shtanov-esli-by-ne-globalizatsiya-zolotoy-ordy-647247> (accessed: 01.05.2021). (In Russian)
15. Dunaeva Yu. V. Modern contexts and approaches to the study of the history of the Golden Horde. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 5: Istoriia. Referativnyi zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 24–41. (In Russian)
16. Seleznev Yu. V. Study of the history of Juchi Ulus by the method of historical modelin. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia*, 2019, no. 1, pp. 109–117. (In Russian)
17. Anikeeva O. A. Constructing socio-historical Models as a Method of Cognition: Cross-disciplinary analysis. *Servis plus*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 4–9. (In Russian)
18. Barlybaev H. A. Globalization: questions of theory and practice. *Vek globalizatsii*, 2008, no. 2, pp. 12–20. (In Russian)
19. Borzyh S. V. The concept of globalization: a new reading. *Vek globalizatsii*, 2011, no. 2, pp. 18–31. (In Russian)
20. Kish E. The philosophy of globalization. *Vek globalizatsii*, 2010, no. 2, pp. 16–32. (In Russian)
21. Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, Mass., London, Harvard University Press, 2006. 372 p.
22. Gulyaihin V. N. Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure and evaluation criteria. *NB: Voprosy prava i politiki*, 2013, no. 4, pp. 135–158. (In Russian)
23. Seleznev Yu. V. The emergence of the sovereignty of the Mongol Khagan and the Horde Khan on the territory of Russia. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 18–24. (In Russian)

24. Vardan Velikij. Universal History. *Zolotaia Orda v istochnikakh. Vol. V: Armenian sources*. Moscow, Center for the Study of Military and General History Publ., 2019, pp. 122–167. (In Russian)
25. The Complete Collection of Russian Chronicles Vol. 25: Moscow Chronicle Code of the late 15th century. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1949. 464 p. (In Russian)
26. Yurchenko A. G. *The elite of the Mongol Empire: the time of holidays, the time of executions*. St Petersburg, Yevraziya Publ., 2013. 432 p. (In Russian)
27. Kirakos Gandzaketsi. History of Armenia, excerpts. *Golden Horde in sources. Vol. V: Armenian sources*. Moscow, Center for the Study of Military and General History Publ., 2019, pp. 174–212. (In Russian)
28. *Novgorod First Chronicle of the elder and Younger izvodov*. Moscow; Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 642 p. (In Russian)
29. *The Golden Horde in the sources. Vol. III: Chinese and Mongolian sources*, Moscow, 2009. 336 p. (In Russian)
30. Amel'kin A., Kradin N., Nikitin A., Rykin P., Usmanov M., Filyushkin A., Goldfrank D., Ostrovski D. Correspondence round table "From the Horde to Russia". *Ab imperio*, 2002, no. 1, pp. 205–238. (In Russian)
31. *Pegolotti Francesco Balducci. La Pratica della mercatura*. Ed. by A. Evans. Cambridge: The Mediaeval Academy of America Cambridge, Massachusetts, 1936. 443 p.
32. Safargaliev M. G. *The Collapse of the Golden Horde*. Saransk, Mordovian book publishing house, 1960. 276 p. (In Russian)
33. Tizengauzen V. G. *Collection of materials on the history of the Golden Horde. Vol. I*. St Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1884. 563 p. (In Russian)
34. Walking across the Three seas of Athanasius. *Biblioteka literaturnykh drevnei Rusi. Vol. 7*. Available at: http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5068_ednref21 (accessed: 15.01.2021). (In Russian)
35. Arslanov A. M. *Trade and economic relations of the Ulus of Jochi (the Golden Horde) with the countries of the West (the second half of the 13th–14th centuries)*: PhD Thesis. Kazan, 2015. (In Russian)
36. Puzanov D. V. Eastern Europe in the Mediterranean System: Stages of Medieval Globalization. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 84–95. (In Russian)
37. Mazhorina M. V. Lex mercatoria: Medieval myth or the phenomenon of globalization? *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2017, no. 1, pp. 4–19. (In Russian)
38. Mazhorina M. V. Harmonization of international trade law or a "patchwork" of illegal regulation of cross-border trade. *Moskovskii iuridicheskii forum. VI Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskai konferentsiia "Garmozatsiia rossiiskoi pravovoi sistemy v usloviiah mezhdunarodnoi integratsii"*. Vol. I. Moscow, MGUA Publ., 2014, pp. 161–167. (In Russian)
39. Mitchell W. *An Essay on the Early History of the Law Merchant*. Cambridge, Cambridge University Press, 1904. 176 p.
40. Vozchikov D. V. "A province with many lands and villages": China in the view of a Venetian diplomat and a Florentine merchant of the first half of the 14th century. *Kitai: istoriia i sovremennost': materialy XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 18–20 October, 2017*. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2018, pp. 162–171. (In Russian)
41. Bochkova E. V., Kuznecova E. L. Theoretical aspects of the study of the social division of labor. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2012, no. 3 (62), pp. 132–139. (In Russian)
42. Pogrebinskaya V. A. *Socio-economic development of the city in the Middle Ages*. Moscow, Moscow University Press, 2021. 72 p. (In Russian)
43. Kramarovskij M. G. Pax Mongolica and the problems of globalization Eurasian culture. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2017, no. 10, pp. 19–24. (In Russian)
44. Sambalhundev H.-E., Sandag E. V., Krasikov V. I. Prologue of globalization: Imperial version, 13th century. *Vek globalizatsii*, 2013, no. 2 (12), pp. 79–82. (In Russian)
45. Seleznev Yu. V. Galician-Volyn Chronicle as a source for the history of the Juchi Ulus. *Zolotoordynskaia tsivilizatsiia*, 2016, no. 9, pp. 123–130. (In Russian)
46. Seleznev Yu. V., Tokmakova S. E. *Russian Chronicles of the Golden Horde (extracts from the Laurentian, Ipatiev and Novgorod I Chronicles)*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2020. 135 p. (In Russian)

47. Seleznev Yu. V. *Paintings of the Horde Yoke*. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2017. 437 p. (In Russian)
48. Galician-Volyn Chronicle. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Vol. 5. St Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 184–357. (In Russian)
49. *The Golden Horde in Sources. Vol. V: Armenian Sources*. Moscow, Center for the Study of Military and General History Publ., 2019. 452 p. (In Russian)
50. Georgij Pahimer. *Byzantine historians translated from Greek at the St Petersburg Theological Academy*. Vol. 6. St Petersburg, tip. Departamenta udelov, 1862. 526 p. (In Russian)
51. Allsen Th. T. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge, UK; New York, Cambridge University Press, 2001. 264 p.
52. Allsen Th. T. *Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley, CA, University of California Press, 1987. 278 p.
53. Hautala R. Report on the International Conference “Mobility and Transformation: Economic and Cultural Exchanges in Mongolian Eurasia. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2014, no. 4, pp. 218–233. (In Russian)
54. Hautala R. Report of the International Seminar “Connecting Structures, Regions and Institutions in Mongolian Eurasia: Meso-Historical Analysis”, Jerusalem, 17–18 May, 2017. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2018, vol. 5, no. 3, pp. 682–686. (In Russian)
55. Kyostler A. General properties of open hierarchical systems. Ed. A. Koestler. *The Ghost in the machine*. New York, Macmillan, 1967. Available at: <http://psylib.ukrweb.net/books/koest01.htm> (accessed: 01.05.2021).

Received: July 5, 2021
Accepted: February 28, 2022

Author’s information:

Yurij V. Seleznev — Dr. Sci. in History, Professor; orda1359@mail.ru